

УДК 314.742/72

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1770–2019 ГГ.**И.А. Соловьев***Северо-Кавказский федеральный университет, Институт наук о Земле, кафедра социально-экономической географии, канд. геогр. наук, доц.; e-mail: soloivan@mail.ru*

В статье на основе изучения специальной научной литературы, нормативных актов и архивных документов проанализированы основные пространственно-временные особенности миграции населения на Северном Кавказе за последние два с половиной столетия (конец XVIII – начало XXI в.). За этот временной отрезок можно выделить семь периодов по характеру государственной миграционной политики и миграции населения с учетом страновых трендов развития. В первый период (1770–1866) происходило массовое заселение Северного Кавказа организованными мигрантами из числа славянских народов. В течение второго периода (1867–1917) район принял значительные объемы самоорганизованных мигрантов. Третий период (1921–1945) отличался принудительными формами миграций. В четвертом периоде (1946–1962) преобладали плановые переселения, а в пятом (1963–1991) – самоорганизованные миграции. Для шестого периода (1992–2000) были характерны массовые потоки вынужденной миграции. В седьмом периоде (2001–2019) произошло снижение роли вынужденной миграции.

Для изучения миграций советского времени потребовалось провести историческую реконструкцию на основе архивных документов, в том числе впервые введенных в научный оборот.

В статье рассмотрены основные факторы и тенденции миграционных процессов на Северном Кавказе, а также трансформация в различные исторические периоды роли государства как регулятора миграционных процессов и определено значение миграционной компоненты в формировании населения его регионов.

Уточнены региональные особенности миграционных процессов на Северном Кавказе. Географическую картину миграции населения в районе определяют прежде всего различия между равнинной и горной частями Северного Кавказа. Первая зона является традиционно аттрактивной для мигрантов, а последняя – отличается многолетним оттоком населения, за исключением двух первых периодов советского времени. В 1960–2010-х гг. рассмотрена динамика миграционного прироста Северного Кавказа в разрезе городского и сельского населения.

Ключевые слова: пространственно-временные особенности, миграция населения, Северный Кавказ

ВВЕДЕНИЕ

На Северном Кавказе отмечалось несколько волн миграции: в дореволюционное время (1770–1916) число прибывших по нашим оценкам составило 2,4 млн чел. или примерно 18% от общероссийского показателя; в довоенно-военный период (1921–1945) объемы принудительной миграции здесь достигли более 1,2 млн чел., из них на долю этнических депортаций пришлось 22,6% от общесоюзного показателя, а удельный вес кулацкой ссылки составил примерно 9,3%. В советские годы, в условиях индустриализации, в районе наблюдались массовые миграции, детерминированные социально-экономическими причинами. За 1950–1980-е гг. миграционный прирост населения Северного Кавказа составил 1,84 млн чел. В РСФСР в этот период отмечалось отрицательное сальдо миграции. Последней массовой миграционной волной стал стрессовый поток постсоветского периода. Всего в 1990–2019 гг. ми-

грационный прирост населения Северокавказского района составил 1,39 млн чел. Миграционные волны протекали в разных социально-экономических и политических условиях, что обуславливало трансформацию характера миграционных процессов (географии исхода и выхода мигрантов, социально-демографической структуры миграционного потока, этнической составляющей миграции и т. п.), изменялась и государственная миграционная политика на Северном Кавказе.

Цель исследования – выявление региональных особенностей миграционных процессов на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XXI в.

В отечественной традиции сформирован значительный исследовательский опыт в изучении миграционных процессов. Фундаментальными работами по Северному Кавказу являются труды В.М. Кабузана и В.С. Белозерова [Кабузан, 1996; Белозеров, 2005]. Территориальные аспекты принудительных

миграций советского времени на Северном Кавказе представлены в исследовании П.М. Поляна [Полян, 2001]. Пространственный анализ современных миграционных процессов на Северном Кавказе и в его регионах проведен Н.А. Щитовой, П.П. Туруном, В.М. Эшроковым, Ш.С. Мудуевым и А.Д. Бадовым [Щитова и др., 2003; Мудуев, 2003; Бадов, 2013]. Среди работ, в которых миграция населения в регионах Северного Кавказа анализируется как составная часть миграции во всей стране, отметим труды следующих авторов: Т.Г. Нефедовой, Е.В. Антонова, Л.Б. Карачуриной, Н.В. Мкртчяна, А.А. Кауфмана, И.Л. Ямзина, В.К. Яцунского [Между домом..., 2016; Мкртчян, Карачурина, 2021; Кауфман, 1905; Ямзин, 1912; Яцунский, 1957].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Под Северным Кавказом в исследовании понимается экономический район, который состоит из Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, а также всех северокавказских республик.

Нижней границей хронологических рамок является 1770 г., когда началась массовая славянская миграция в район. По характеру миграционной политики и миграции населения нами выделены следующие периоды: 1 – российской колонизации (1770–1866); 2 – самоорганизованной миграции (1867–1917); 3 – довоенно-военный (1921–1945); 4 – послевоенный (1946–1962); 5 – последних трех советских десятилетий (1963–1991); 6 – вынужденной миграции (1992–2000); 7 – современный (2001–2019) (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые факторы и формы миграции населения на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XXI в.

Периоды	Годы	Факторы	Преобладающие формы миграции населения
1-й	1770–1866	– Колонизационная политика государства; – аграрное перенаселение в Малороссии и Центральном Черноземье; – свободные земли; – благоприятные агроклиматические ресурсы	Сельскохозяйственная (аграрная)
2-й	1867–1917	– Успешное социально-экономическое развитие; – улучшение транспортной доступности; – спрос на рабочую силу; – свободные дешевые земли	Самоорганизованная
3-й	1921–1945	– Репрессивная государственная политика; – индустриализация; – миграционная политика государства, направленная на компенсацию демографических потерь из-за репрессий и голода в 1932–1933 гг.	Принудительная
4-й	1946–1962	– Миграционная политика государства, направленная на компенсацию демографических потерь, вызванных этническими депортациями; – организация плановых переселений для обеспечения трудовыми ресурсами отдельных отраслей сельского хозяйства; – аграрное перенаселение в горах; – реабилитация депортированных народов; – индустриализация	Плановая
5-й	1963–1991	– Аграрное перенаселение в горах; – индустриализация	Самоорганизованная
6-й	1992–2000	– Распад СССР; – этнотерриториальные конфликты и сложные межэтнические отношения; – репатриация русских; – социально-экономический кризис	Вынужденная
7-й	2001–2019	– Значительная социально-экономическая пространственная поляризация; – этнотерриториальные конфликты	Самоорганизованная

Информационную основу исследования составляют материалы специальной литературы, архивные и нормативные документы, а также данные официальной статистики.

Общемировые закономерности миграции населения на Северном Кавказе как макрорегиона России прослеживаются в теоретических работах Э. Равенштайна (E. Ravenstein) и В. Зелинского (W. Zelinsky) [Ravenstein, 1885; Zelinsky, 1971]. Первый автор подчеркивал важную роль «сельско-городских» миграций для эпохи модерна, что было характерно для Северного Кавказа как в пореформенное время, так и впоследствии. «Вписываются» в контекст теории мобильного перехода В. Зелинского выявленные тенденции миграционных процессов населения на Северном Кавказе.

Особенности государственного учета населения в дореформенное время определяли то, что наиболее полная статистика была по количеству ревизских душ мужского пола. Поэтому требовалось проведение оценки масштабов (количество прибывших) сельскохозяйственной колонизации Северного Кавказа в первый период. Для этого нами была разработана авторская методика на основе следующей формулы:

$$П = \frac{П_{р\text{дмп}}}{k} + П_{р\text{дмп}} + П_{\text{чел}} - МУ_{\text{чел}}, \quad (1)$$

где $П_{р\text{дмп}}$ – количество прибывших ревизских душ мужского пола; $П_{\text{чел}}$ – количество прибывших человек; $МУ_{\text{чел}}$ – миграционная убыль населения; k – соотношение ревизских душ мужского пола к душам, рожденным после ревизии.

Схожие трудности возникли при определении масштабов миграции населения в первые советские десятилетия, т. к. учет принудительной и плановой миграции осуществлялся преимущественно по количеству семей. Поэтому проводилась авторская оценка, которая позволяла определить средний размер переселенческих семей и примерное количество мигрантов.

Не представляется возможным получить полную картину по неорганизованным миграциям довоенно-военного периода, т. к. миграционный учет органами статистики производился исключительно в городской местности.

По другим рассматриваемым периодам мы опирались на имеющиеся вторичные источники и официальную статистику, которая позволила провести корректные сравнения коэффициентов миграционного прироста регионов Северного Кавказа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Обладающий свободными землями с благоприятными агроклиматическими ресурсами северо-

кавказский «фронт» в период российской колонизации (1770–1866) занимал одно из ведущих мест в России по миграционному притоку населения. С целью его заселения было принято около 70 государственных законов. Наибольшее их количество издано по территориям равнинного Предкавказья и бывшим землям Черкесии. Миграция являлась основным источником формирования населения и обеспечивала создание сети городских и сельских поселений в районе. В этот период районами приоритетного заселения являлись равнинное Предкавказье и территории стратегического значения (Военно-Грузинская дорога, Черноморское побережье, переходные зоны от равнин к предгорьям) [Соловьев, 2017, с. 8–38].

Масштабы военно-казачьей и крестьянской колонизации района составили около 820 тыс. чел., что на 288 тыс. больше, чем эмигрировало северокавказских и тюркских народов в Турцию [Соловьев, 2017].

Наибольший миграционный приток отмечался в равнинной части района (Ставрополье, Черноморское казачье войско), принявших около 70% новоселов. Треть мигрантов пришлась на предгорные и горные территории Северного Кавказа (Кавказская линия, Закубанский край, Урупский округ) (рис. 1). Сложившийся характер заселения района связан с низкой миграционной емкостью предгорно-горных территорий из-за преимущественного проживания здесь коренных народов. Исключение составляют последние годы этого периода, когда сложились благоприятные условия для заселения Закубанского края в связи с массовой эмиграцией горского населения в Турцию.

Основную массу переселенцев Ставрополья составили выходцы из соседнего Центрального Черноземья. Географическая близость и проблема аграрного перенаселения привела к оттоку населения отсюда на Северный Кавказ. Больше всех переселенцев в район пришло с Курской губернии. Ключевыми регионами выхода мигрантов являются Воронежская, Орловская, Тамбовская, Пензенская, Слободско-Украинская, Полтавская, Калужская, Рязанская и Смоленская губернии. Пространственной чертой заселения Кавказской кордонной линии является значительная компонента волжских и донских казаков, а также армян и грузин из Закавказья и Персии. Черноморское казачье войско создали путем переселения бывших запорожских казаков и малороссов из Херсонской, Екатеринославской, Полтавской и Черниговской губерний. Для заселения Закубанского края привлекли казаков из различных войск (Кубанского, Азовского, Донского, Оренбургского и Уральского), а также отставных солдат Кавказской армии [Кабузан, 1996].

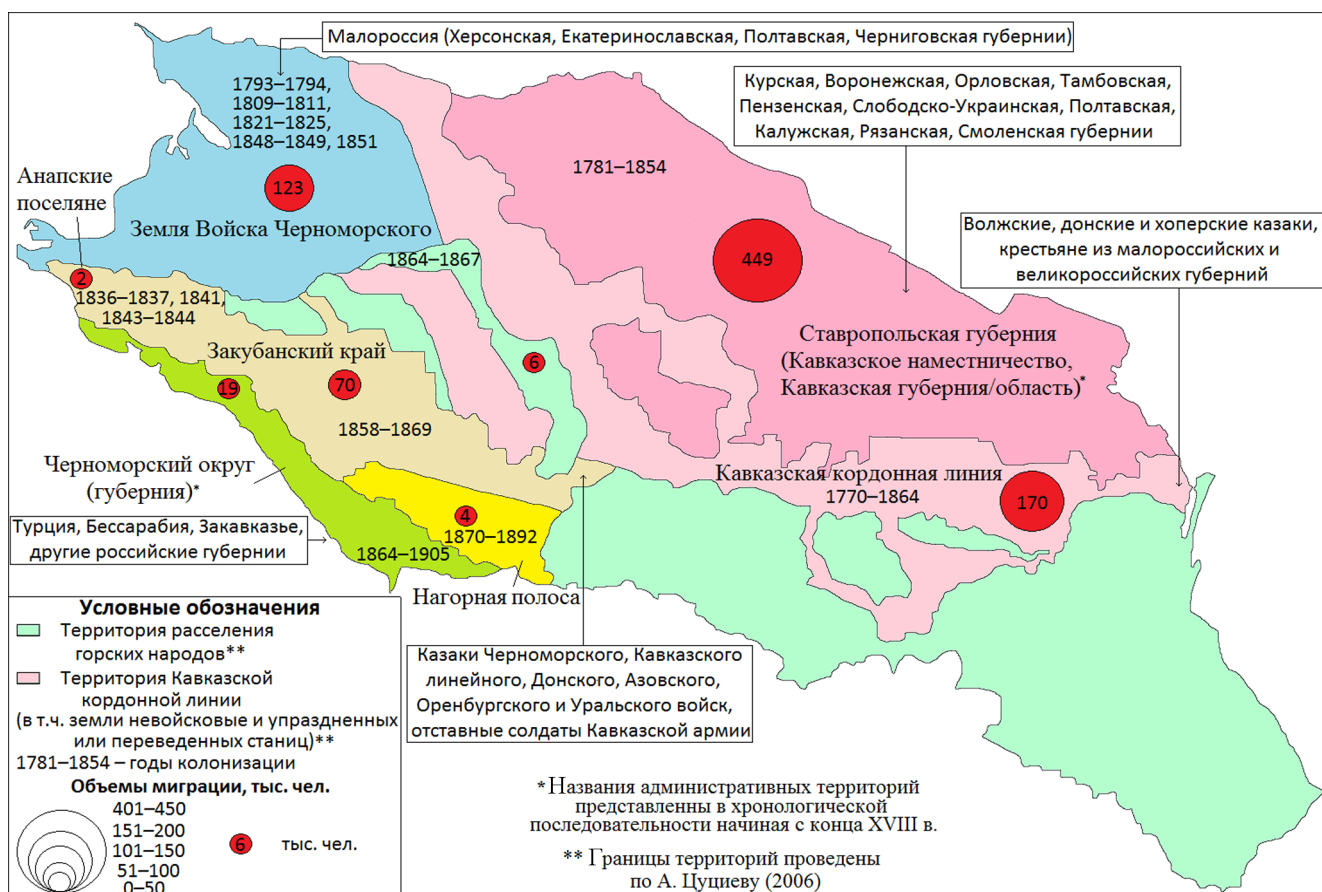

Рис. 1. Масштабы и география военно-казачьей и аграрной колонизации Северного Кавказа в 1770–1905 гг. (составлено автором)

Fig. 1. The scale and geography of the military-Cossack and agrarian colonization of the North Caucasus in 1770–1905 (compiled by the author)

В период самоорганизованной миграции (1867–1917) экономическое развитие Северного Кавказа было весьма активным. Район превратился в житницу России. Причем, особенно возросло производство хлеба на продажу, в том числе на экспорт. Во многом это произошло благодаря притоку в район огромного количества неорганизованных мигрантов. Это обуславливалось быстрым социально-экономическим развитием Северного Кавказа и спросом на рабочую силу, а также наличием свободной земли и низкой ее стоимостью. Мигрантам разрешалось постоянно проживать в местах отхожего промысла, но не предусматривалась материальная поддержка со стороны государства. В связи с доминированием самоорганизованных миграций значение государства как регулятора миграционных процессов снизилось.

В этот период миграционный прирост на Северном Кавказе значительно вырос – с 3 до 33 тыс. чел. в среднем в год (рис. 2). В целом миграционный прирост на Северном Кавказе (без учета области Войска Донского) составил 1,6 млн чел. [Кабузан, 1996].

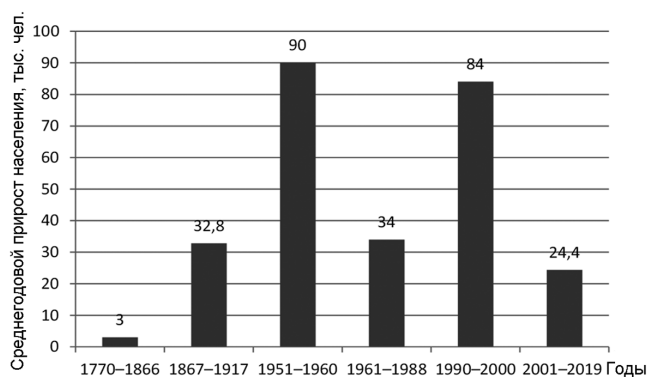

Рис. 2. Миграционный прирост населения Северного Кавказа в 1770–2019 гг. (без учета 1918–1950 гг.), тыс. чел. в среднем в год за период

Fig. 2. Migration growth of the population of the North Caucasus in 1770–2019 (excluding 1918–1950), thousand people on average per year for the period

Наибольший миграционный прирост отмечался в Кубанской области, на долю которой пришлось более половины миграционного притока. Около $\frac{1}{4}$ новоселов осело в Терской области. Миграцион-

ная привлекательность казачьих регионов связана с более благоприятной рыночной конъюнктурой, т. к. в основной своей массе, в отличие от крестьянских губерний, казачество было задействовано на службе. Значительно снизился приток мигрантов на Ставрополье, т. к. здесь раньше обозначилась проблема малоземелья. Высокий миграционный прирост населения отмечался в горных территориях – Черноморском побережье и Дагестане (рис. 3). В бывшей Черкессии после эмиграции горского населения в Турцию оставалось много незаселенных земель, а приток новоселов в Дагестан обусловлен был наличием дешевой частной земли.

В отдельных регионах миграция продолжала играть роль основного источника формирования населения, а именно в Черноморской губернии и Дагестанской области, в регионах раннего и массо-

вого заселения – Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областях – миграция поменялась ролями с естественным движением населения [Кабузан, 1996, с. 192–196].

Основными районами выхода мигрантов на Северный Кавказ по результатам переписи населения 1897 г. являлись Воронежская, Полтавская, Харьковская, Курская, Екатеринославская и Черниговская губернии. В Дагестанской области наибольший процент пришлого населения формировался в миграциях с западными губерниями России (Малороссия, Прибалтика, Смоленщина). Исключением из правил выступает Черноморская губерния, в которой доля международной миграции наиболее высокая (23,5%). Основная часть эмигрантов (греки и армяне) прибыла в губернию из Турции [Соловьев, 2017, с. 119–120].

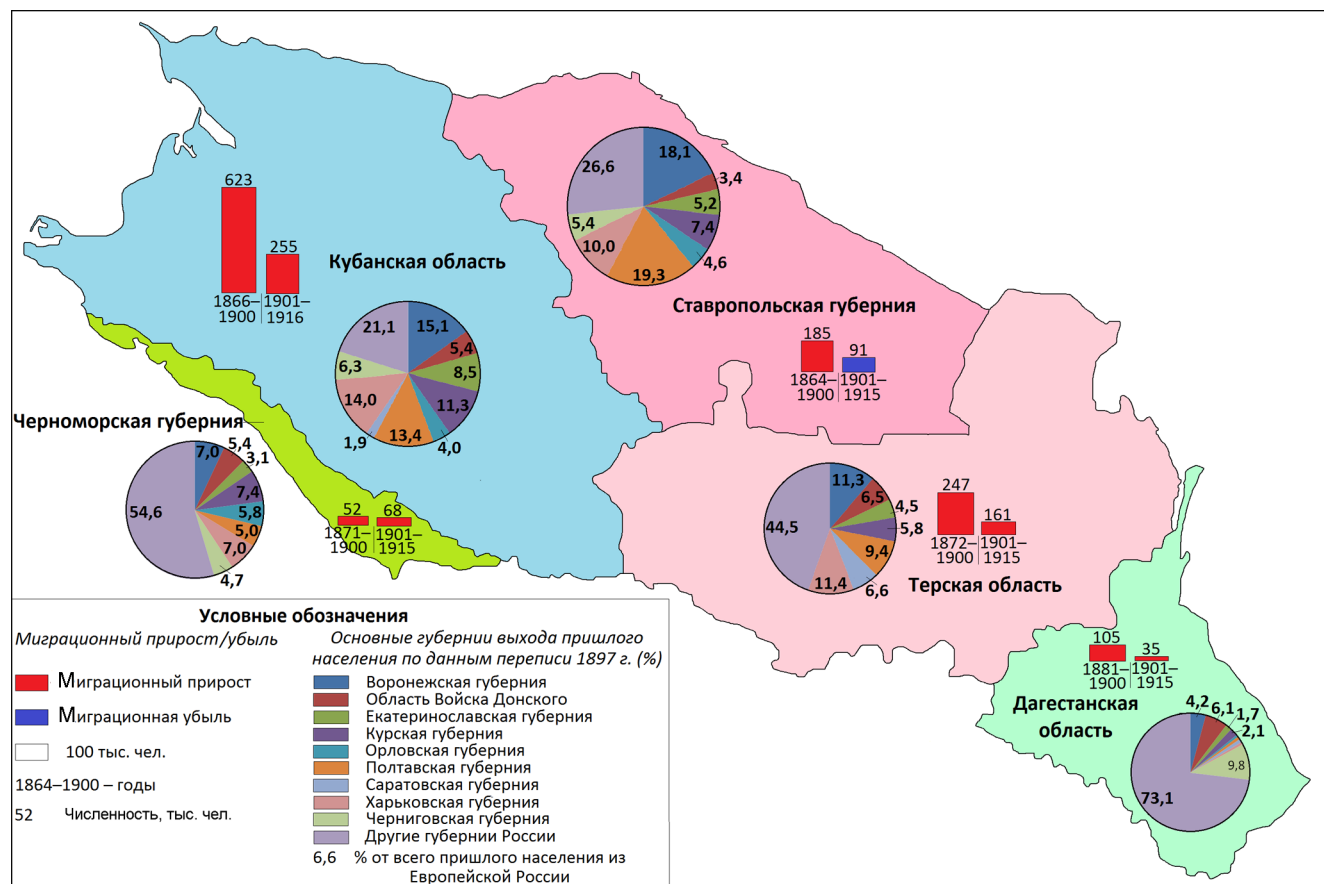

Рис. 3. Миграционный прирост населения территорий Северного Кавказа в 1864–1916 гг. и основные районы выхода пришлого населения, по данным переписи населения 1897 г. (составлено автором)

Fig. 3. Migration growth of the population of the territories of the North Caucasus in 1864–1916 and the main areas of exit of newly come population, 1897 (compiled by the author)

В довоенно-военный период (1921–1945) значительно выросла роль государства как регулятора миграции населения. Развитие получили принудительные миграции, которые сопровождалось выселением большого числа населения по социальным

(ссылка казаков и кулаков), этническим (депортации чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, немцев, калмыков Ростовской области) признакам. Принудительные миграции сочетались с плановыми компенсационными переселениями.

Всего в районе принудительной миграции подверглись более 1,2 млн чел., в том числе этнической депортации 747,3 тыс., ссылка кулаков – 234,7 тыс., переселение оstarбайтеров – 181,5 тыс., казачья ссылка – 45 тыс., ссылка «бывших кулаков»¹ – 17,2 тыс. и депортации членов семей коллаборантов – 6 тыс. чел. (табл. 1–3) [Полян, 2005, с. 245–248; Трагедия советской..., 2004, с. 330–337].

Масштабы этнических депортаций в регионах Северного Кавказа в 1943–1944 гг. [Полян, 2001, с. 112–125]

Регион	Этносы	Количество, чел.
Чечено-Ингушская АО	Чеченцы, ингуши	478 479
Орджоникидзевский край	Немцы	95 489
Карачаевская АО	Карачаевцы	69 267
Кабардино-Балкарская АССР	Балкарцы, немцы	42 434
Краснодарский край	Немцы	34 287
Ростовская область	Немцы, калмыки	24 400
Северо-Осетинская АССР	Немцы	2929
Итого		747 285

Распределение кулаков по территориям выселения на Северном Кавказе в 1930–1936 гг.

Территории	Количество семей
Территории равнинного Предкавказья	35 144
Национальные автономии Северо-Кавказского края	3223
Территория выселения не известна	4000
Итого	42 367

Примечание. [Трагедия советской..., 2000, с. 747–748; Трагедия советской..., 2002, с. 339–340; Советская деревня..., 2003, с. 725–772; Советская деревня..., 2005, с. 419, 435; Земсков, 1990; Политбюро и крестьянство..., 2005, с. 537–659; Политбюро и крестьянство..., 2006, с. 434–435].

Отличительной чертой принудительных миграций по этническому признаку являлось преимущественное их протекание в горной зоне Северного Кавказа. Около двух третей (64%) объемов этнических депортаций пришлось на Чечено-Ингушетию. Остальные регионы Северного Кавказа значительно уступали по этому показателю. Основными территориями вселения депортированных народов являлись Казахстан, Узбекистан и Киргизия.

В отличие от этнических депортаций в кулацкой ссылке доминировали территории равнинного Предкавказья, так как они вошли в число районов

сплошной коллективизации. По имеющимся данным, на его долю пришлось около 83% «кулацкой ссылки». Кулаков 1–2-й категорий преимущественно ссылали на Урал и в Северный край. Внутрорегиональные переселения кулаков осуществлялись в «дивенский» и «сальский» массивы спецпоселений Северо-Кавказского края.

География репрессий «бывших кулаков» 1937 г. отличалась преобладанием в их численности регионов равнинного Предкавказья (Азово-Черноморский и Орджоникидзевский края), что определялось их большей людностью. «Бывших кулаков» 1-й категории расстреливали, а кулаки 2-й категории отбывали наказания в тюрьмах за пределами Северного Кавказа [Трагедия советской..., 2006, с. 330–337].

Добровольно-принудительный характер имела миграция советских граждан за пределы СССР из районов, оккупированных немецко-фашистскими войсками. Наибольшее число оstarбайтеров приходилось на Краснодарский край (71,9%) и Ростовскую область (25,8%), что связано с более длительной оккупацией этих регионов, а также с наибольшей их людностью [ГАРФ..., д. 48].

Масштабы плановых переселений на Северном Кавказе в этот период достигли около 56 тыс. семей. Примерно поровну плановых переселений пришлось на равнинные (Азово-Черноморский край, Грозненская область и Орджоникидзевский край) и горные (Дагестан, Северная Осетия и Грузия) регионы Северного Кавказа (см. табл. 3).

География плановых миграций в регионы равнинного Предкавказья отличалась внешним характером. Сюда направлялись переселенцы из многих территорий СССР. Широкою внешней для региона географию выхода плановых переселенцев имела Грозненская область. В свою очередь, переселения в Дагестане и Северной Осетии имели внутрорегиональный характер [Соловьев, 2017, с. 167].

Для пополнения трудовых ресурсов использовали немецких интернированных из числа гражданского населения. В 1945 г. их в СССР завезли из Румынии, Венгрии, Югославии, Верхней Силезии и Восточной Пруссии. К началу 1946 г. на Северном Кавказе насчитывалось 6 тыс. чел. интернированных немцев. Основную часть немцев приняла Ростовская область (71,6%). Использовали труд интернированных немцев также в Грозненской области и Северной Осетии. К 1950 г. большая их

¹ Большая часть кулаков была выслана за пределы Северо-Кавказского края. Исключение составили кулаки 3-й категории.

часть была репатриирована на родину [Полян, 2001, с. 216–236].

Начало индустриализации страны привело к огромному притоку сельского населения в города. В 1931–1932 гг. миграционный прирост городского населения Северо-Кавказского края и Дагестана составил 420 тыс. чел. (табл. 4) [Голод в СССР..., 2011]. В миграционных потоках городского населения Северного Кавказа в этот период преобладали внутрирегиональные миграции, так как крупные города стали полюсами притяжения населения своих регионов. К концу 1930-х гг. межрегиональная миграция стала превалировать над внутрикраевым потоком. Возможно, это связано с последствиями демографического кризиса, который понизил потенциал внутрирегиональных миграций, а также с более форсированной индустриализацией других районов Советского Союза. Традиционно в миграционном обмене населением с Северным Кавказом играли значительную роль соседние регионы СССР [Соловьев, 2017, с. 152–154].

В послевоенный период (1946–1962) государством организовывалась репатриация оstarбайтеров и эвакуированных граждан в период ВОВ, а также бывших белых эмигрантов. Одной из массовых миграций являлась репатриация оstarбайтеров. Большинство их вернулось на родину к началу 1950 г. [ГАРФ..., д. 48]. Миграция белых эмигрантов была незначительной.

Из плановых миграций наиболее массовыми (61,7%) были компенсационные переселения в Грозненскую область, которая после депортаций чеченцев, еще была слабозаселенной (табл. 5). В других регионах Северного Кавказа в этот период плановые

миграции были направлены на развитие отдельных отраслей сельского хозяйства: чаеводство (Краснодарский край), хлопководство (Ставропольский и Краснодарский края, Дагестан и Грозненская область), а также на переселения с гор на равнину (Северная Осетия, Дагестан) и из зон затопления (Ростовская обл. и Ставропольский край) [ГАРФ..., д. 44, 70].

Исходя из приоритетности заселения территорий, плановая миграция в Грозненскую область и Краснодарский край преимущественно носила межрегиональный и общесоюзный характер, а переселения с гор на равнину проводились внутри регионов [Соловьев, 2017, с. 180].

Самой масштабной миграцией в этот период стала репатриация депортированных народов (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы) в Чечено-Ингушетию, Карачаево-Черкесию, Кабардино-Балкарию и Дагестан, которая составила до августа 1960 г. 416,8 тыс. На эту дату в местах ссылки

Таблица 4
Масштабы плановых переселений на Северном Кавказе в 1927–1944 гг. [РГАЭ..., д. 7а, 17, 43, 72, 141, 195, 678]

Территории вселения	Годы переселенческих кампаний	Количество семей
Дагестан	1940–1941; 1944	17 382
Азово-Черноморский край (с учетом Черноморского округа)	1927–1928; 1933; 1936–1939	15 662
Грозненская область	1944–1945	13 755
Северо-Осетинская АССР	1945	7331
Территории Северного Кавказа Грузии	1944	1100
Орджоникидзевский край (Северо-Кавказский)	1928; 1933; 1938–1940	604
Итого		55 834

Таблица 5

Масштабы плановых переселений в регионах Северного Кавказа в 1947–1955 гг., кол-во семей
[Соловьев, 2017, с. 180–184]

Регионы	Год									Всего
	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	
Грозненская область	1911	1488	423	908	1421	2395	1638	505	251	10 940
Краснодарский край	—	—	423	494	587	750	219	440	220	3133
Северо-Осетинская АССР	—	—	—	—	—	—	1373	—	—	1373
Дагестанская АССР	—	—	73	37	47	287	456	218	82	1200
Ростовская область	—	—	—	—	—	—	—	—	605	605
Ставропольский край	—	—	96	257	—	—	—	—	—	353
Каменская область	—	—	—	—	—	—	—	—	108	108
Всего	1911	1488	1015	1696	2055	3432	3686	1163	1266	17 712

еще оставалось около 100 тыс. чел. Одновременно в 1957–1960 гг. в Дагестан и Северную Осетию из Чечено-Ингушетии выбыли компенсационные мигранты 1944 г. из числа осетин и народов Дагестана. В частности, только Дагестан принял около 55,8 тыс. мигрантов [ГАРФ..., д. 100, 151].

В период последних трех советских десятилетий (1963–1991) произошло значительное снижение миграционного прироста – с 90 до 34 тыс. чел. в среднем в год (см. рис. 2; табл. 6). Это было связано с исчерпанием потенциала репатриации депортированных народов, меньшим уровнем индустриализации, аграрной перенаселенностью и оттоком населения на новостройки страны. В сельской местности отмечался отток населения, что связано с проводимой в стране индустриализацией.

В этот период усилилась роль миграций рабочих по оргнабору и общественному призыву на комсомольские стройки. Например, в 1964 г. в регионах Северного Кавказа было завербовано около 13 тыс. рабочих на постоянное место работы в промышленности и транспорте в различных районах СССР. План оргнабора рабочих зависел от людности регионов. Соответственно большее число (83,9%) рабочих вербовалось в регионах равнинного Предкавказья (Кубань, Дон, Ставрополье) [ГАРФ..., д. 266].

Миграционный прирост населения на Северном Кавказе в 1961–2019 гг., тыс. чел. [Соловьев, 2017, с. 192, 203–205; Численность и миграция..., 2002–2020]

Типы населения	1961–1988 гг.	1990–2000 гг.	2001–2019 гг.
Городское и сельское население, в том числе:	940,9	928,5	464,2
городское населения	2384	291,0	478,6
сельское население	–1444	578,7	–100,1

В этот период северокавказские республики переживали «демографический взрыв», который сопровождался в 1970–1980-е гг. активным «сплозанием» с гор в города и равнины своих республик, а также в соседние регионы Северного Кавказа и Нижнего Поволжья. В этих условиях наибольшие коэффициенты миграционного прироста населения в 1970–1989 гг. отмечались на Ставрополье, которое граничило со всеми северокавказскими республиками. Миграционный прирост был также характерен и для других регионов равнинного Предкавказья – Краснодарского края и Ростовской области. В свою очередь, в республиках повсеместно отмечался отток населения, за исключением Кабардино-Балкарии в 1970-е гг., что, возможно, связано с продол-

жавшейся репатриацией балкарцев. Наибольшие коэффициенты миграционной убыли были характерны для Чечено-Ингушетии и Дагестана (рис. 4).

В период вынужденной миграции (1992–2000) в условиях стрессового характера переселений и роста масштабов международных миграций усилилась роль государства как регулятора миграционных потоков. Массовая вынужденная миграция привела к значительному увеличению миграционного прироста населения Северного Кавказа – с 34 до 84 тыс. чел. в среднем в год (см. рис. 2; табл. 6). Причем большая часть (62,3%) миграционного прироста приходилась на сельскую местность. Таким образом, была прервана тенденция оттока населения из сельской местности.

Вынужденные мигранты со всего постсоветского пространства, особенно из стран Южного Кавказа и Центральной Азии, а также Украины и Чечни, расселились преимущественно в регионах равнинного Предкавказья, Адыгеи, Северной Осетии и Ингушетии. Значительные миграционные потоки в район были направлены из регионов Крайнего Севера России.

В районе по-прежнему выделялось две зоны: первая – зона миграционной привлекательности, в которую входили Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края, с отрицательным естественным приростом, вторая – зона с устойчивым миграционным оттоком и с растущим демографическим потенциалом, которую составляли республики за исключением Адыгеи, Ингушетии, Северной Осетии-Алании и Дагестана (см. рис. 4). Сверхвысокие коэффициенты миграционного прироста отмечались в Ингушетии, которая приняла вынужденных мигрантов из Чечни. Значительно ниже, но тоже высокие коэффициенты миграционного прироста были характерны для Краснодарского и Ставропольского краев, Адыгеи и Ростовской области. Сверхвысокой интенсивностью миграционных потерь отличалась Чечня, где проводилась военная кампания и отмечались сложные межэтнические и внутриэтнические отношения.

В современный период (2001–2019) потенциал вынужденной миграции был значительно исчерпан, что привело к снижению миграционного прироста Северного Кавказа с 84 до 24,4 тыс. чел. в среднем в год (см. рис. 2; табл. 6). В этот период произошло восстановление миграционной убыли сельского населения, так как снова стали превалировать миграции, детерминируемые социально-экономическими факторами.

В этих условия отмечался рост ареала территорий с оттоком населения, который увеличился

за счет Северной Осетии-Алании и Дагестана (см. рис. 4). Наибольшей аттрактивностью для международных и внутрироссийских мигрантов отличается успешно развивающийся Краснодарский край. Миграционная привлекательность значительно снизилась на Ставрополье и в Ростовской области. В республиках Адыгеи и Ингушетии по-прежнему отмечается устойчивый миграционный прирост. Впрочем, корректность официальных данных по миграционному приросту населения Ингушетии вызывает сомнения [Мкртчян, 2019, с. 15].

Основными чертами международной миграции в регионах Северного Кавказа является устойчивый миграционный прирост, преимущественно форми-

рующийся за счет бывших советских республик. Характер межрегиональных потоков определяется многолетней миграционной убылью большинства регионов района, за исключением Краснодарского края, Адыгеи и Ингушетии. Наблюдаемая миграционная картина связана с высокой региональной поляризацией социально-экономического развития России. Поэтому многие жители Северного Кавказа устремляются в самые развитые в экономическом отношении территории России – Москву, Санкт-Петербург, Тюменскую область и др. Из регионов Северо-Кавказского федерального округа отмечается отток населения в соседние субъекты Южного округа и, особенно, в Краснодарский край.

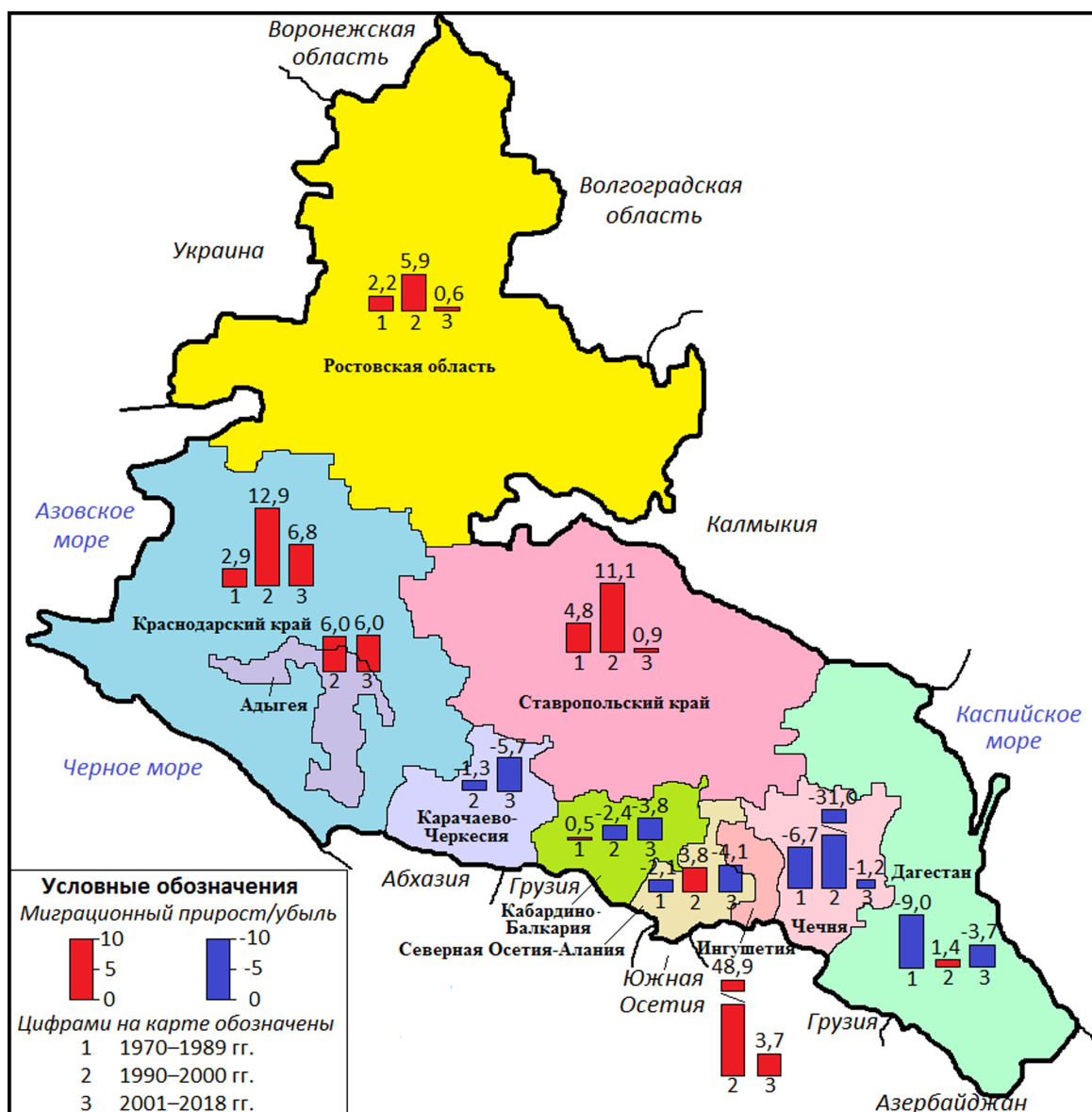

Рис. 4. Коэффициенты миграционного прироста населения в регионах Северного Кавказа в 1970–2018 гг., % в среднем в год за период (составлено автором)

Fig. 4. Coefficients of the migration growth of the population in the regions of the North Caucasus in 1970–2018, % on average per year for the period (compiled by the author)

ВЫВОДЫ

Миграционные процессы на Северном Кавказе определялись действием различных факторов, соотношение роли которых обусловлено прежде всего сменой общественных экономических формаций, а также внутренними трендами развития государства. В первый период большая часть района (равнинное Предкавказье, предгорья) как одного из «фронтиров» России подверглась колонизации русскими, украинцами и т. п. В территориях преимущественного расселения коренных народов Северного Кавказа отмечалась незначительная роль миграции. В течение второго периода в условиях пореформенного времени помимо сельскохозяйственной миграции обозначились массовые переселения из сельской местности в города. В довоенно-военный период миграционную картину в районе определяли репрессии, результатом которых являлись массовые принудительные миграции, а также в условиях форсированной индустриализации отмечался «взрывной» рост «сельско-городских» миграций. В послевоенный период снизилось значение принудительных миграций, но при этом выросла роль плановых переселений, что коррелировало с трансформацией государственной политики. В период последних трех советских десятилетий миграционные процессы определялись главным образом продолжавшейся индустриализацией, а также аграрным перенаселением в горах района. В 1990-е гг. преобладали стрессовые факторы, которые определяли значимость вынужденной миграции населения. В современный период на первые роли вышли самоорганизованные миграции населения, детерминируемые социально-экономическими факторами. Тенденции миграционных процессов на Северном Кавказе первых четырех периодов соотносятся со второй стадией (раннее «мобильное общество») мобильного перехода В. Зелинского. В период последних трех советских десятилетий произошел переход к стадии позднего «мобильного общества», а в современный период – к стадии «развитого общества» [Zelinsky, 1971].

На протяжении всех периодов Северный Кавказ относился к одним из главных районов России по концентрации мигрантов, которому были присущи разовые «выбросы» населения (кулацкая ссылка, этнические депортации и др.) за его границы, что коррелировало с политикой государства.

Наибольшая роль государства в регулировании миграции населения на Северном Кавказе отмечалась в периоды заселения, довоенно-военный и послевоенный, когда доминировали организационные формы миграции.

На протяжении большей части периодов основным районом миграционной привлекательности являлось равнинное Предкавказье, что связано с изначальной слабой заселенностью и более благоприятными агроклиматическими ресурсами. Исключение составили довоенно-военный и послевоенный периоды, в течение которых протекали массовые миграции также и в горной зоне Северного Кавказа, что было обусловлено принудительными миграциями по этническому признаку.

В первые два периода основными территориями выхода мигрантов являлись соседние регионы Центрального Черноземья и Малороссии, где отмечалась проблема аграрной перенаселенности. В довоенно-военный и послевоенный периоды география выхода плановых переселений расширилась за счет более отдаленных регионов страны, чем в предыдущие периоды. В период вынужденной миграции Северный Кавказ испытывал устойчивый миграционный прирост с бывшими советскими республиками и другими регионами России и особенно Крайнего Севера. В современный период по-прежнему отмечается положительное сальдо миграции в обмене населением с республиками постсоветского пространства. Однако в большинстве регионов Северного Кавказа установился отток населения в межрегиональных потоках, за исключением Краснодарского края, Адыгеи и Ингушетии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадов А.Д. Геодемография Северной Осетии: монография. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2013. 432 с.
- Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. 304 с.
- ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-327. Оп. 1. Д. 44. Л. 93.
- ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 48. Л. 23.
- ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 70. Л. 21.
- ГАРФ. Ф. А-517. Оп. 1. Д. 100. Л. 19–20.
- ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–46.
- ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 266. Л. 24.
- Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1. Кн. 2. М.: МФД, 2011. С. 370.
- Земсков В.Н. Спецпоселенцы: По документации НКВД – МВД СССР // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–6
- Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. 219 с.
- Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Общественная польза, 1905. 81 с.
- Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
- Мкртчян Н.В. Миграция на Северном Кавказе сквозь

- призму несовершенной статистики // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 1. С. 7–22.
- Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Внутрорегиональная миграция населения в России: пригороды выигрывают у столиц // Известия РАН. Серия географическая. 2021. № 1. С. 24–38.
- Мудуев Ш.С. Население и хозяйство Дагестана на рубеже веков. Махачкала, 2003. 304 с.
- Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. Кн. I. М.: РОССПЭН, 2005. 912 с.
- Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. Кн. II. М.: РОССПЭН, 2006. 1120 с.
- Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001. 328 с.
- РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 7а. Л. 1–140.
- РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–126.
- РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 9–23.
- РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 72. Л. 6–64.
- РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 141. Л. 15–148.
- РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 195. Л. 2–3.
- РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 678. Л. 24–81.
- Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2003. 864 с.
- Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. Т. 3. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2005. 840 с.
- Соловьев И.А. Миграционные процессы на Северном Кавказе: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: монография. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. 424 с.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. М.: РОССПЭН, 2004. 648 с.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. 927 с.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. Т. 4. 1934–1936. М.: РОССПЭН, 2002. 1056 с.
- Щитова Н.А., Белозеров В.С., Турун П.П., Эшироков В.М. Этнические особенности миграционного поведения и адаптации населения в Ставропольском крае // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2003. № 4. С. 52–57.
- Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912. 198 с.
- Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. М., 1957. С. 209–216.
- Ravenstein E.G. The Laws of Migration, *Jornal of the Royal Statistical Society*, 1885, vol. 48, p. 167–235.
- Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition, *Geographical Review*, 1971, vol. 61, p. 219–249.
- Электронный ресурс*
Численность и миграция населения Российской Федерации [Электронный ресурс]: Статистический бюллетень Росстата. М., 2009–2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283?print=1> (дата обращения 10.04.2021).

Поступила в редакцию 18.04.2021
После редактирования 25.07.2021
Принята к публикации 27.09.2021

TRANSFORMATION OF MIGRATION PROCESSES IN THE NORTHERN CAUCASUS DURING 1770–2019

I.A. Soloviev

North Caucasus Federal University, Institute of Earth Sciences, Department of Socio-Economic Geography, Associate Professor; Ph.D. in Geography; e-mail: soloivan@mail.ru

Based on the study of special scientific literature, regulations and archival documents, the article analyzes principal spatio-temporal features of population migration in the North Caucasus over the past two and a half centuries (late 18th – early 21st century). During this time period, seven periods can be distinguished according to the nature of state migration policy and population migration, with the account of the country development trends. The first period (1770–1866) is characterized by a large-scale settlement of the North Caucasus with organized migrants belonging to the Slavic peoples. During the second period (1867–1917) the region received significant numbers of self-organized migrants. The third period (1921–1945) was notable for the forced forms of migration. Planned migrations prevailed during the fourth period (1946–1962), and self-organized migrations during the fifth period (1963–1991). The sixth period (1992–2000) was characterized by large-scale flows of necessitated migration. During the seventh period (2001–2019) the role of necessitated migration decreased.

To study the migrations of the Soviet era, it was necessary to carry out a historical reconstruction based on archival documents, including those for the first time introduced into scientific circulation.

The article examines top-line factors and tendencies of migration processes in the North Caucasus, as well as the transformation of the role of the state as a regulator of migration processes in different historical periods, and determines the importance of migration component in the formation of the population of its regions.

Regional features of migration processes in the North Caucasus were redefined. The geographical picture of population migration in the region primarily depends on the differences between the plain and mountainous parts of the North Caucasus. The first zone is traditionally attractive for migrants, while the latter is characterized by a long-term outflow of the population, except for the first two periods of the Soviet era. The dynamics of migration growth in the North Caucasus during the 1960s – 2010s, is discussed for both urban and rural population.

Keywords: spatio-temporal features, population migration, North Caucasus

REFERENCES

- Badov A.D. *Geodemografiya Severnoj Osetii: monografiya* [Geodemography of North Ossetia], Vladikavkaz, North Ossetian State University Publ., 2013, 432 p. (In Russian)
- Belozеров V.S. *Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza* [Ethnic map of the North Caucasus], Moscow, United Humanitarian Publ., 2005, 304 p. (In Russian)
- GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. A-327, op. 1, d. 44, l. 93.
- GARF [State Archive of the Russian Federation], f. A-327, op. 1, d. 48, l. 23.
- GARF [State Archive of the Russian Federation], f. A-327, op. 1, d. 70, l. 21.
- GARF [State Archive of the Russian Federation], f. A-517, op. 1, d. 100, l. 19–20.
- GARF [State Archive of the Russian Federation], f. A-518, op. 1, d. 151, l. 1–46.
- GARF [State Archive of the Russian Federation], f. A-518, op. 1, d. 266, l. 24.
- Golod v SSSR 1929–1934, v 3 t., t. 1 [Famine in the USSR, 1929–1934, in 3 vol., vol. 1], b. 2, Moscow, MFD Publ., 2011, p. 370. (In Russian)
- Kabuzan V.M. *Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekah* [Population of the North Caucasus in the 19th–20th centuries], St. Petersburg, Russian-Baltic information center BLITZ Publ., 1996, 219 p. (In Russian)
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Intra-regional population migration in Russia: suburbs outperform capitals, *Regional Research of Russia*, 2021, vol. 11, no. 1, p. 48–60.
- Kaufman A.A. *Pereselenie i kolonizaciya* [Resettlement and colonization], St. Petersburg, Public benefit Publ., 1905, 81 p. (In Russian)
- Mezhdum domom... i domom. *Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between home... and home. Reverse spatial mobility of the population of Russia], T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Makhrova (eds.), Moscow, New chronograph Publ., 2016, 504 p. (In Russian)
- Mkrtchyan N.V. Migraciya na Severnom Kavkaze skvoz' prizmu nesovershennoj statistiki [Migration in the North Caucasus through the prism of imperfect statistics], *Journal of Social Policy Research*, 2019, no. 1, p. 7–22. (In Russian)
- Muduev Sh.S. *Naselenie i hozyajstvo Dagestana na rubezhe vekov* [Population and economy of Dagestan at the turn of the century], Mahachkala, 2003, 304 p. (In Russian)
- Politbyuro i krest'yanstvo: *Vysylka, specposelenie. 1930–1940 gg.*, kn. I [Politburo and the peasantry: Expulsion, special settlement. 1930–1940, b. I], Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, 912 p. (In Russian)
- Politbyuro i krest'yanstvo: *Vysylka, specposelenie. 1930–1940 gg.*, kn. II [Politburo and the peasantry: Expulsion, special settlement. 1930–1940, b. II], Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 1120 p. (In Russian)
- Polyan P.M. *Ne po svoej vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nyh migracij v SSSR* [Not by choice... History and geography of forced migrations in the USSR], Moscow, United Humanitarian Publ., 2001, 328 p. (In Russian)
- Ravenstein E.G. The Laws of Migration, *Journal of the Royal Statistical Society*, 1885, vol. 48, p. 167–235.
- RGAE (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki) [Russian State Archive of Economy], f. 5675, op. 1, d. 7a, l. 1–140. (In Russian)
- RGAE [Russian State Archive of Economy], f. 5675, op. 1, d. 141, l. 15–148. (In Russian)
- RGAE [Russian State Archive of Economy], f. 5675, op. 1, d. 17, l. 3–126. (In Russian)
- RGAE [Russian State Archive of Economy], f. 5675, op. 1, d. 195, l. 2–3. (In Russian)
- RGAE [Russian State Archive of Economy], f. 5675, op. 1, d. 43, l. 9–23. (In Russian)
- RGAE [Russian State Archive of Economy], f. 5675, op. 1, d. 678, l. 24–81. (In Russian)
- RGAE [Russian State Archive of Economy], f. 5675, op. 1, d. 72, l. 6–64. (In Russian)
- Schitova N.A., Belozеров V.S., Turun P.P., Eshrokov V.M. Etnicheskie osobennosti migracionnogo povedeniya i adaptacii naseleniya v Stavropol'skom krae [Ethnic features of migration behavior and adaptation of the population in the Stavropol Territory], *Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 5, Geogr.*, 2003, no. 4, p. 52–57. (In Russian)
- Solov'ev I.A. *Migracionnye processy na Severnom Kavkaze: problemy adaptacii i integracii migrantov* [Migration Processes in the North Caucasus: Problems of Adaptation and Integration of Migrants], Stavropol', North Caucasus Federal University Publ., 2017, 424 p. (In Russian)
- Sovetskaya derevnya glazami VCHK-OGPU-NKVD. 1918–1939. *Dokumenty i materialy*, v 4 t., t. 3, kn. 1 [Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and materials, in 4 vol., vol. 3, b. 1], Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, 864 p. (In Russian)
- Sovetskaya derevnya glazami VCHK-OGPU-NKVD. 1918–1939. *Dokumenty i materialy*, v 4 t., t. 3, kn. 2 [Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and materials, in 4 vol., vol. 3, b. 2], Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, 840 p. (In Russian)
- Tragediya sovetskoj derevni. *Kollektivizaciya i raskulachivanie Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials], vol. 5, 1937–1939, b. 1, 1937, Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 704 p. (In Russian)
- Tragediya sovetskoj derevni. *Kollektivizaciya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials], vol. 2, noyabr' 1929 – dekabr' 1930, Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, 927 p. (In Russian)
- Yamzin I.L. *Pereselencheskoe dvizhenie v Rossii s momenta osvobodzheniya krest'yan* [Resettlement movement in

- Russia since the liberation of the peasants], Kiev, 1912, 198 p. (In Russian)
- Yatsunsky V.K. [Changes in the distribution of the population of European Russia in 1724–1916], *Istoriya SSSR* [History of the USSR], Moscow, 1957, p. 209–216. (In Russian)
- Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition, *Geographical Review*, 1971, vol. 61, p. 219–249.
- Zemskov V.N. Spetsposelentsy: Po dokumentacii NKVD–MVD SSSR [Special settlers: According to the documentation of the NKVD–Ministry of Internal Affairs of the USSR], *Sociologicheskie issledovaniya*, 1990, no. 11, p. 3–6. (In Russian)
- Web source*
Chislennost' i migraciya naseleniya Rossijskoj Federacii [The size and migration of the population of the Russian Federation], URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283?print=1> (access date: 10.04.2021). (In Russian)

Received 18.04.2020

Revised 25.07.2021

Accepted 27.09.2021